

Захаров Александр Михайлович

ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ В РОССИИ ПОЛЬСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВЕСНОЙ 1917 Г.

В статье рассматривается реакция различных сегментов польской политической элиты на проблему формирования польских добровольческих воинских частей в России весной 1917 г. Автор анализирует динамику эволюции позиций различных польских политических сил, показывает постепенную переоценку ими польских добровольческих войск и встраивание последних в концепцию создания после войны независимого Польского государства с собственными вооруженными силами, ядром которых должны были стать именно добровольцы с русского фронта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-2/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-86. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ROLE OF CULTURE IN SOCIAL NETWORKS DEVELOPMENT

Efimov Evgenii Gennadievich, Ph. D. in History
Nebykov Il'ya Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Volgograd State Technical University
ez07@mail.ru

The authors suggest using “social construction of technology” as a methodology of the research of culture influence on the development of social networks. It occurs through social groups and public opinion about the risks of the technology; and traditional media have great influence on the formation of this opinion. A comparative analysis conducted by the authors allows considering the influence of cultural values in this element by the example of the American, Asian, European and Russian models of social networks.

Key words and phrases: social group; social network; social construction of technology; culture; public opinion; risks.

УДК 94(47).084

Исторические науки и археология

В статье рассматривается реакция различных сегментов польской политической элиты на проблему формирования польских добровольческих воинских частей в России весной 1917 г. Автор анализирует динамику эволюции позиций различных польских политических сил, показывает постепенную переоценку ими польских добровольческих войск и встраивание последних в концепцию создания после войны независимого Польского государства с собственными вооруженными силами, ядром которых должны были стать именно добровольцы с русского фронта.

Ключевые слова и фразы: история Польши (начало XX в.); Первая мировая война; польская армия; Польская национал-демократическая партия; Польская социалистическая партия-«фракция».

Захаров Александр Михайлович, к.и.н., доцент

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
rusist.rgpi@mail.ru

**ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ
В РОССИИ ПОЛЬСКИХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВЕСНОЙ 1917 Г. ©**

Революционные процессы 1917 г. в России произвели серьезнейшее воздействие на польские политические круги. Особенно отчетливо это стало видно в вопросе о создании польских вооруженных формирований. Проблема создания, функционирования, управления и динамики развития последних является остро актуальной – в отечественной историографии вплоть до недавнего времени, в лучшем случае, признавался лишь факт существования подобных частей. Польская историография, естественно, гораздо богаче, но подходит к проблеме сугубо с точки зрения ее важности для истории Польши, а не революционной России 1917 г.

Русские власти до февраля 1917 г. относились к польским добровольцам с чрезвычайной настороженностью и недоверием, в связи с чем в 1914-1917 гг. последние прошли только «нулевой цикл» своего комплектования. К началу 1917 г. в России имелись только две такие воинские единицы: Польская стрелковая дивизия на Юго-Западном фронте и формально подчиненный ей, а на деле автономный в своих действиях и решениях, Белгородский запасной стрелковый полк.

Сложности с польским добровольчеством были двух порядков. Во-первых, воздействие оказывал русский революционный процесс в форме советизации, и, во-вторых, свою роль играла полемика, развернувшаяся вокруг проблемы добровольчества в польских политических элитах.

Крайнюю позицию справа занимали представители обрусевшей традиционной польской элиты во главе с А. Р. Ледницким, не структурированные в какую-либо партию. Будучи тесно связаны с русскими политиками такого же традиционного «думского» плана, они отстаивали русский «патриотический» взгляд на ситуацию: в военном плане малочисленные польские военные части серьезного влияния на положение дел на фронте оказать не могут, а дезорганизации при вычленинии из русской армии польского элемента добавляют.

Сам Ледницкий несколько по-другому формулировал свое видение проблемы: «Я нервничал, вспоминал 1905 год и особенно кровавую реакцию, боялся за поляков, в особенности за пленных, – писал он. – С другой стороны, я опасался, как бы наши не влезли в русские межпартийные распри. Сам я в этом категорически участвовать не хотел. С первых же дней революции у меня возникла идея обращения к соотечественникам с предупреждением, что я и сделал 2 марта 1917 года» [12, с. 59]. Имперская идея давала рецидивы, которых польский политический истеблишмент боялся. Иными словами, представители польских консервативных кругов себя в русской революции не видели, потому и пытались не допустить до участия в ней своих соотечественников.

Иной была позиция представителей Национал-демократической партии, считавших лучшим способом противодействия вовлечению военнотружущих-поляков в революционное движение сведение их в польские национальные части. Немедленное осуществление подобной меры «спасло бы военнотружущих-поляков от обольщивания в рядах российской армии» [9, s. 107]. Кроме того (это подчеркивал лидер «эндэков» Р. Дмовский в беседе с министром иностранных дел Великобритании А. Бальфуром 21 марта 1917 г.), поляки оказывались в результате революции свободны от присяги царю, что становилось сильным аргументом в руках немцев, не оставлявших еще попыток создания польских частей в своей армии [11, s. 34]. При этом руководство «эндэков» старалось вести себя предельно осторожно. «Польские части могут оказаться в трудном положении или, что еще хуже, стать оружием в руках контрреволюции», – предостерегал член руководства партии Х. Гливиц. Произойти это может, если польской армии придется выбирать между Советами и Временным правительством, а, значит, армия может строиться только на принципе строжайшего нейтралитета. «Поляки должны или сдать оружие, или с ним в руках думать только о Польском, но не о Российском государстве», – заключал Гливиц [20, s. 35]. Позицию «эндэков» на первых порах разделял даже солдатский комитет Польской стрелковой дивизии, избранный на общедивизионном митинге 25 марта 1917 г. [Ibidem].

Пропаганда создания подобных частей началась тут же. В Киеве 19 марта (1 апреля) 1917 г. под редакцией Х. Багиньского стали издаваться «Войсковые ведомости». Этот орган, так же как и разделявшие его позицию «Газета польская», «Новый курьер литовский» и другие, пытался воздействовать на солдат утверждениями, что только многочисленная польская армия, созданная в России, сможет закрепить неизбежный, но не близкий разгром Германии. Газета большое внимание уделяла традициям польской армии, настаивала на «реполонизации» офицерского корпуса [16, s. 137].

25 апреля (8 мая) 1917 г. в Главном управлении Генерального штаба генерал-квартирмейстер И. П. Романовский провел совещание по вопросу о польских войсках. Он сообщил, что военный министр принял решение о создании постоянной комиссии, ведению которой будут подлежать все вопросы, касающиеся польских войск. Совещание высказалось против создания отдельных небольших польских подразделений при существующих частях русской армии [8, д. 328, л. 94-96]. Полемика шла очень жесткая: представители «эндэков» во главе с Я. Харусевичем, бывшим лидером Польского кола в Государственной думе, в резких выражениях атаковали традиционалистов, представленных А. Венцковским и генералом в отставке А. Бабяньским. Дошло до того, что Романовскому пришлось переносить конференцию. Только 29 апреля было принято окончательное решение, хотя Бабяньский и Венцковский голосовали против, приводя уже знакомый нам аргумент – создать большую и по-настоящему боеспособную часть в настоящий момент невозможно [19, s. 57].

Итак, с конца апреля – начала мая 1917 г. началась практическая подготовка к созданию польского корпуса, который многими влиятельными элементами рассматривался как основной кадр будущего Войска Польского.

Польские инициаторы плана создания польской армии в России не скрывали, что они озабочены не только тем, чтобы ускорить разгром Германии, – хотя именно это постоянно выдвигалось «эндэками» в качестве основной задачи «демократии» и «славянства». Они, в частности, в докладе, сделанном поручиком Б. Матушевским в Генеральном штабе 12 мая 1917 г., подчеркивали, что выросла новая большая «опасность» – «идеология немецкого социализма с ее проповедью беспощадной гражданской войны». Эта идеология грозит «погубить» Россию, а вместе с ней «погибнет» и Польша. Создание польской армии может помочь «вашей и нашей свободе» – уверял Матушевский своих русских слушателей [1, д. 409, л. 8].

Соперники эндэков – польские центристские и левоцентристские силы – опасались как раз того, что создание польской армии в России в еще большей мере вовлечет и солдат-поляков, и другое польское население России в водоворот русской революции и не столько облегчит, сколько осложнит дело отделения Польши от революционной России.

В принципе, левые силы в отношении польских перспектив сперва были настроены оптимистично. 14 марта Исполком Петросовета принял декрет, подтверждающий право Польши на независимость. Текст декрета был написан рукой Н. Соколова с поправками Н. Чхеидзе и М. Скобелева [19, s. 16]. Все они считались видными полнофиллами в петроградской политической среде.

21 апреля 1917 г. в Петрограде прошло совещание лидеров ведущей польской левоцентристской силы – Польской социалистической партии-«революционной фракции» (т.н. ППС-«фраки»). Председательствовали на совещании Ю. Лукаевич и штабс-капитан Белгородского запасного полка И. Матушевский. О перспективах создания польской армии собравшиеся высказались осторожно, но жестко осудили братание на фронте «как элемент анархии и своеволия». Конечное решение принято не было. Б. Сивик предупреждал товарищей по партии: «Создание польской армии в России без соглашения с Регентским советом в Варшаве... станет шагом неумным и легкомысленным». Ему оппонировал И. Матушевский: «Независимость Польши будет достигнута не политическим путем, а путем революционной войны». В этой полемике слышны были отзвуки идей Пилсудского, позиции которого в среде «фраков» были чрезвычайно сильны [20, s. 35].

Столь же сложной была и позиция левых социалистов. С одной стороны, в своем теоретическом издании, «Социалистическом бюллетене», лидеры ППС-«левицы» отмечали: «Царизм пал, но его военная программа не пала вместе с ним» [18, s. 116]. С другой стороны, ряд авторитетных лидеров партии – Ф. Кон, С. Круликовский, Я. Хемпель, – в первые несколько месяцев после Февральской революции «оказались очарованы легионерской идеей» [Ibidem, s. 152]. Даже ряд крайне левых – группа членов Социал-демократии Королевства Польского и литовского (СДКПиЛ) во главе с Ю. Уншлихтом – оказался под воздействием программы «революционного оборончества» [20, s. 35].

Вопрос о польской армии, равно как об отношении к России и о будущих границах Польши, стоял в центре переговоров, происходивших в Стокгольме 5-10 мая (н. ст.) 1917 г. между представителями Временного государственного регентского совета и представителями польских общественно-политических организаций из России. Со стороны ППС-«фракции» в переговорах принимали участие: из Петрограда – Б. Сивик, а из Варшавы – член Регентского совета В. Куновский. В переговорах участвовали также упоминавшиеся уже А. Бабяньский и Х. Гливиц, а также ряд «эндеков» (К. Скирмунт, Ф. Шебеко и др.). К абсолютному взаимопониманию стороны не пришли. «Петроградцы», со ссылкой на участвовавшего в переговорах директора Департамента общих дел Регентского совета В. Ростоворовского, сообщили, что Регентский совет присоединяется к мнению большинства о необходимости создания армии. Ростоворовский в докладе Регентскому совету 31 мая изложил иной взгляд на проблему. Он отметил, что имел в виду политическое решение, базу для создания польской армии в будущем, а не конкретной фронтовой части, причем, по его словам, наибольшие сомнения высказывали как раз «эндеки» [2, с. 76-78].

Проблема советизации вооруженных сил коснулась и польские воинские формирования, но руководители польских добровольцев смогли если не полностью нейтрализовать, то существенно уменьшить негативные последствия этого процесса и даже частично поставить его под свой контроль.

Хотя начиналось все весьма тревожно. Создание солдатских комитетов в 1-й польской стрелковой дивизии и Белгородском запасном полку существенно снизило боеспособность этих частей. В состав полкового комитета Белгородского полка вошло около 50 человек, в том числе 9 офицеров. Председателем комитета стал поручик К. Вальц, щеголявший революционными фразами, но практически ориентированный на польские левоцентристские силы, в частности на «фраков». Примечательно в связи с этим, что заместителем председателя полкового комитета был прапорщик А. Чижевский, не скрывавший своего членства в ППС-«фракции» [20, с. 66].

Эпопея с Белгородским полком показала не столько степень разложения данной конкретной части – это к лету 1917 г. уже не было на русском фронте из ряда вон выходящим явлением, – сколько уровень влияния на войска демократических органов самоуправления. Русские офицеры, в силу своей известной аполитичности, разобрались, сколь страшное это оружие, но оперировать им в своих интересах не смогли. Зато польские политики быстро усвоили урок – создание альтернатив солдатским комитетам стало насущной задачей польской политической элиты уже в первые недели после Февральской революции.

Инициатива создания т.н. «союзов военнослужащих-поляков» (СВП) принадлежала польским офицерам, служившим еще в царской армии, – генерал-майору артиллерии Я. Яцыне и полковнику В. де Грюэлю. Первый к марту 1917 г. состоял офицером для особых поручений при штабе Петроградского военного округа, второй – помощником военного коменданта Петрограда. Само существование союзов стало возможным благодаря «Временному положению об организации власти в сухопутной армии и флоте», подписанному 30 марта 1917 г. генералом Алексеевым, и приказу Военного министра № 114, отданному А. И. Гучковым 31 марта. Подготовка же велась еще до принятия этих документов. 11 марта на квартире де Грюэля собрались, помимо хозяина, редактор авторитетной столичной газеты «Глос Польский» Х. Левенстам, член Демократического комитета В. Мицкевич, поручик по Адмиралтейству С. Ивановский и прапорщик В. Щенсны. Цель создания организаций нового типа де Грюэль обозначил так: сепарироваться от русской революции и извлечь максимальную выгоду для Польши в данной ситуации [19, с. 28].

Актив действовал энергично: уже 17 марта состоялась новая встреча, избравшая оргкомитет из 27 человек, а собрание с участием около 3 тыс. человек, происходившее в Доме армии и флота в Петрограде 24 марта 1917 г., завершило создание союза, призванного объединить поляков – солдат и офицеров столичного гарнизона. Был избран президиум Петроградского союза поляков-военнослужащих во главе с В. Щенсным. При президиуме были созданы рабочие комиссии: военно-учетная, культурно-просветительская, по делам первичных организаций, административная, юридическая, по делам инвалидов, по делам отставных военных и касса взаимопомощи.

31 марта 1917 г. В. Щенсны, Я. Яцына и другие руководители Союза посетили Временное правительство и изложили Военному министру А. И. Гучкову задачу военных союзов, которая должна была состоять в том, чтобы «создать связь между военнослужащими – поляками русской армии на почве народных идеалов и взаимопомощи в самом широком объеме» [3].

Идея оказалась и в самом деле продуктивной. Союзы поляков-военнослужащих стали возникать один за другим. Разумеется, инициативу подхватили на фронтах – там, где дезорганизация могла привести к самым печальным последствиям. 11 апреля был создан СВП Северного фронта в Риге, 15 апреля – Западного фронта в Луге, 27 апреля – Юго-Западного фронта в Ржеве и 13 мая – Кавказского фронта в Эрзеруме.

Стали создаваться союзы поляков-военнослужащих и в других регионах страны. 22 марта прошел съезд поляков-военнослужащих Москвы, на котором был создан аналогичный союз под председательством генерала Я. Латур-Мобура. В Севастополе возник союз поляков-военных моряков (председатель – инженер-капитан 2-го ранга В. К. Моргулец [13, с. 269-270]). 22 марта были созданы СВП в Киеве (руководитель – генерал Пжибыльский) и Нижнем Новгороде (штабс-капитан В. Пжездецкий [19, с. 31]). 17 апреля СВП возник в Иркутске (председатель – полковник М. Бургардт [4]), 23 апреля – в Новониколаевске (прапорщик Зюлковский), 27 мая – в Томске (прапорщик Ружаньский [6, с. 120]).

Наконец, СВП стали создаваться и на самом низком уровне. 10-16 апреля в Речице прошел съезд поляков 5-й армии. 400 делегатов представляли 20 тыс. поляков, служивших в рядах этой воинской единицы. Инициативу проведения съезда поддержал командующий армией генерал А. М. Драгомиров. Примечательно, что съезд не только создал армейский СВП (председатель – капитан Т. Усцинович), но и тайным голосованием одобрил идею создания самостоятельной польской армии в составе русских вооруженных сил (группа делегатов левой

ориентации во главе с поручиком Бутырского пехотного полка Р. Лонгвой выступала против, но успеха добилась лишь частичного – Лонгва вошел в состав Исполкома СВП 5-й армии [19, s. 51]). 26 мая СВП возник в 11-й армии Юго-Западного фронта (председатель – поручик Б. Буффал).

С одной стороны, невозможно не согласиться с В. Найдус, утверждавшей, что по мере радикализации общего политического фона СВП постепенно превращались в самостоятельные революционные субъекты [15, s. 276]. С другой, нужно иметь в виду следующее обстоятельство: идеологический штаб СВП (Щенсны, Бабяньский, Яцына) располагался в Петрограде и состоял из ярых независимцев, а вот на местах было сильно влияние «эндеков», что заставляло СВП постоянно лавировать и делать свою тактику более эластичной.

Наиболее четко это прослеживается по ходу работы съезда СВП Западного фронта, проходившего в Минске 16-21 апреля 1917 г. На съезде, где присутствовало 130 делегатов, доминировали национал-радикалы. Они умело использовали приниженное положение, в котором находились поляки в царской армии, языковые, религиозные и другие ограничения, которые они испытывали для того, чтобы, пропагандируя солдатам идеи «национальной солидарности и единства», попытаться отделить их от массы революционных солдат и матросов. Идея национальной армии предлагалась в более конкретном ключе – она должна подчиняться русскому командованию «только в оперативном плане». Даже присутствовавший на съезде генерал В. И. Гурко приветствовал идею самостоятельной армии от имени Ставки: «Польские отряды создадут ядро войска, которое может стать фундаментом независимой Польши» [20, s. 52]. Члена СДКПиЛ рядового Бойко, выступавшего против участия поляков в войне, как вспоминал генерал В. Вейтко, «выгнали из зала под аплодисменты при первых же его словах» [Ibidem].

При этом итоговую резолюцию съезд принял гибкую и осторожную. «Польская независимость невозможна без армии, – говорилось в ней, – которая появится, когда будут преодолены технические и политические трудности... Армия будет создана только после заключения соглашения польских военных организаций с организациями эмигрантов и при учете мнения всего польского народа» [19, s. 31]. Польская армия должна была управляться офицерами-поляками и воевать только с немцами и австрийцами, но не со славянами. Председателем СВП Западного фронта был избран В. Рачкевич – это было самым началом блестящей карьеры бывшего минского адвоката, ставшего спустя двадцать лет президентом Польши. Съезд создал подготовительную комиссию для выяснения вопроса о возможности создания польской армии во главе с полковником А. Тупальским [Ibidem, s. 61]. Съезд принял приветствие как Временному правительству России, так и Временному государственному совету в Варшаве. Выбранному на съезде правлению союза было предоставлено право избрать по своему усмотрению делегатов на общероссийский съезд поляков-военнослужащих.

СВП были не единственными польскими общественными организациями, озабоченными вопросом создания польской армии. 1 апреля 1917 г. в Киеве состоялось учредительное заседание Польской Военной Лиги (в некоторых исследованиях можно встретить другую дату – 21 марта, – но это или ошибка, или описка [10, s. 26]). Принципиальным отличием ее от СВП было то, что в ее состав принимали и военнопленных. На заседании от их имени выступало несколько человек – генерал Радовский, ротмистры Запольский и Ледуховский и др. Председателем Лиги стал Х. Багиньский, энергичный и ловкий политик национал-радикального толка. Уже 8 апреля Лига приняла «Декларацию идей». Основными ее лозунгами-тезисами стали: «Невмешательство, независимость, война до победного конца». 3 апреля для установления связей с СВП и русскими общественными организациями в Петроград выехала делегация Лиги во главе с полковником Л. Желиговским [19, s. 32].

Главное, чего удалось добиться Лиге, это установить политический контроль над Польской стрелковой дивизией. Не вызывает удивления поэтому, что делегацию Лиги возглавил именно ее офицер.

Приехав в Петроград делегация посетила в первую очередь военного министра А. И. Гучкова. Помимо формального приветствия делегаты передали Гучкову просьбу, поддержанную командующим Юго-Западным фронтом А. А. Брусилковым – выдать из Музея Военного министерства польские знамена, захваченные русскими войсками в 1831 г. Гучков эту просьбу не удовлетворил, но делегаты вряд ли очень сильно расстроились – главная задача их миссии заключалась в другом. В течение всей середины апреля они вели интенсивные переговоры с представителями Польского Национального комитета и Польского коло в Государственной Думе. Для последних сюжет точно не был новым – из архивов поднимали планы 1914 года. По итогам встреч решено было создать комиссию из представителей Национального комитета, русского Генштаба и Польской стрелковой дивизии, которая подготовит проект формирования польской национальной армии из двух-трех корпусов и передаст его затем на утверждение в Военное министерство [Ibidem, s. 34-35].

17 апреля из Киева выехала вторая делегация. Руководили ею лично Багиньский и командир Польской стрелковой дивизии генерал Билевский. К их приезду текст был готов – 22 апреля депутаты Государственной Думы В. Яроньский и З. Велепольский вручили Гучкову «Записку Польского Национального комитета по вопросу об образовании в составе русской армии особых польских войсковых частей». Резолюция военного министра вполне удовлетворила поляков: он предписал образовать совместную комиссию при Генштабе в составе генералов Билевского и Аверьянова, депутата думы Яроньского и представителя Польского Национального комитета А. Венцовского. Уже 25 апреля Комиссия выдала первую рекомендацию: развернуть Польскую стрелковую дивизию в корпус при условии, что материальное обеспечение процесса возьмет на себя Польский Национальный комитет. Однако обсуждать эту рекомендацию оказалось некому – апрельский правительственный кризис приостановил процесс консультаций. Комиссия тут же умерила свою активность и перешла к отстаиванию гибкой позиции, уже озвученной СВП [Ibidem, s. 37].

Планы создания автономного Войска Польского вызвали серьезную обеспокоенность как левых, выступавших с пацифистских, либо даже с пораженческих позиций, так и «фраков», опасавшихся, что польская

армия в России послужит не только интересам русских властей, но и прямым орудием «эндеков» и других соперничавших с Пилсудским политических групп, связанных с Антантой, в их борьбе за власть в будущей Польше. Эту позицию ППС-«фракции» отразила листовка, выпущенная временным руководством партии в России еще 19 апреля 1917 г. В листовке указывалось, что «польская реакция носится с планом создания польской армии, которая будет служить ее целям, и польскими руками постарается задушить зародыш Польского государства, возникший за фронтом...» [5, с. 198].

Обеспокоенность «фраков» напрямую вытекала из того, что начало русской революции они, откровенно говоря, прозевали, и теперь изо всех сил пытались выстроить свой политический курс в непрерывно меняющуюся ситуацию. Видный деятель партии В. Яворский писал в дневнике 1 марта 1917 г.: «Пилсудский сказал мне, что в России на транспорте царит хаос. О революции не может быть и речи. Революционность может проявиться в антинемецких выступлениях, как это было в Москве» [14, с. 121]. Спустя каких-то две недели сотрудница Пилсудского И. Моценльская писала из Варшавы в Петроград: «Очевидно, что для некоторых из нас русская революция стала шоком. Как бы «эндеки» и социалисты своими прокламациями не довели дело до революции и здесь у нас». Правая рука Пилсудского Л. Василевский прямо отмечал в воспоминаниях, что Комендант (так называли Пилсудского его ближайшие помощники) ошибку понял быстро. «Начало русской революции, – отмечал он, – Комендант сразу оценил как факт чрезвычайной важности и поворотный пункт во всей нашей политике» [11, с. 163].

Леворадикальные силы тоже не сидели, сложа руки. В апреле 1917 г. Петроградская группа СДКПиЛ приняла негативную резолюцию по вопросу о польской армии, как сообщал в письме своим московским коллегам Ю. Уншлихт [7, д. 6, л. 1, 1 об.]. Партийная газета «Трибуна» развернула форменную кампанию против создания Войска Польского в России, о чем без стеснения писала сама: «Кампания против польской армии приобрела ныне массовые размеры. Наша партия постаралась придать ей общеполитический характер – характер борьбы против идеологии воинствующего национализма» [17, с. 1].

Против создания польской армии в России выступила и другая массовая левая политическая польская партия – ППС-«левица». На заседании ЦИК партии 15 (28) мая 1917 г. членам исполкома Л. Пинкусу и Ф. Кону было поручено вступить в переговоры с СДКПиЛ для того, чтобы занять единую позицию по отношению к союзам поляков-военнослужащих [5, с. 199].

При этом необходимо отметить и оттенок различия в позициях двух левых партий. Очень отчетливо это проявилось в дискуссиях их представителей в рамках авторитетного петроградского польского политического клуба «Промень», объединявшего в своих рядах широчайший спектр антимоноархически настроенных польских политиков – от генерала в отставке Бабяньского до поляков-большевиков. Лидер ППС-«левицы» в «Промене» З. Фабержевич, в целом солидаризируясь с единой позицией в вопросе о польской армии, не забывал отдавать дань и «революционному оборончеству» [19, с. 38]. Еще яснее это было заметно в провинции: харьковская газета ППС-«левицы» «Рабочее единство» 7 мая 1917 г. вышла с передовицей «Да здравствует польская армия!», посвященной формированию неподалеку в Чугуеве польского уланского полка [20, с. 66].

В итоге к лету 1917 г. польское добровольческое движение, имея в наличии функционирующие организационные структуры, тем не менее, пока не давало видимого результата в силу неопределенности, а то и просто неприязненного отношения русских властей к идее польского добровольчества. Думается, что основной причиной такой неопределенности было отсутствие единой позиции внутри самих польских политических элит, что давало простор для различного рода политических спекуляций, преодолеть которые можно было только одним способом – реально наладив дело создания в России польских вооруженных формирований. Отчасти можно согласиться и с А. Пайевским, полагавшим, что существенные трудности происходили и вследствие того, что делом, сугубо военным по своей сути, занимались люди гражданские, не понимавшие армии и ее нужд и ставившие во главу угла вопросы политического характера [15, с. 311].

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений / ред. Н. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1 (февраль 1917 – ноябрь 1918). 546 с.
3. Известия Петроградского Совета. 1917. 2 (15) апреля.
4. Иркутская жизнь. 1917. 28 сентября (11 октября).
5. Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (февраль-октябрь 1917 г.). М.: Наука, 1965. 412 с.
6. Нам И. В. К вопросу о польских организациях Сибири в 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири: сборник статей / отв. ред. И. М. Разгон. Томск: ТГУ, 1980. С. 117-139.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 2.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 2.
9. Baginski H. Wojska polskie na Wschodzie, 1914-1920. Warszawa: Główna księgarnia wojskowa, 1921. 631 s.
10. Grosfeld L. Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917-1919. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1956. 227 s.
11. Kowalski W. T. Rok 1918. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1978. 266 s.
12. Lednicki A. Pamiętnik 1914-1918 // Bibliotheca Jagellonica. Fontes et studia. Krakow: Nakl. Biblioteki Jagiellonskiej, 1994. Т. 1. 139 s.
13. Najdus W. Polacy w Rewolucji 1917 roku. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1967. 374 s.
14. Nałęcz T. Polska Organizacja Wojskowa, 1914-1918. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1984. 256 s.

15. **Pajewski J.** Odbudowa Państwa Polskiego, 1914-1918. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1985. 384 s.
16. **Ślisz A.** Prasa polska w Rosji w dobie wojny I rewolucji (1915-1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. 565 s.
17. **Trybuna.** 1917. 10 (23) czerwca.
18. **Tych F.** PPS – lewica w latach wojny, 1914-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. 239 s.
19. **Wrzosek M.** Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. 366 s.
20. **Zatorski A.** Polska lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji, 1917-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 348 s.

THE POLISH POLITICAL ELITES AND PROBLEM OF CREATION OF THE POLISH VOLUNTEER MILITARY UNITS IN RUSSIA IN THE SPRING OF 1917

Zakharov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
rusist.rgpu@mail.ru

In the article the reaction of different segments of the Polish political elite to the issue of the formation of the Polish volunteer military units in Russia in the spring of 1917 is considered. The author analyzes the dynamics of the evolution of the positions of various political forces in Poland, shows the gradual reevaluation of the Polish volunteer forces and embedding the latter in the conception of the formation, after the war, of the independent Polish state with its own armed forces, the core of which had to be exactly the volunteers from the Russian front.

Key words and phrases: the Polish history (the beginning of the XX century), the World War I, the Polish army, the Polish National Democratic Party, the Polish Socialist Party-“faction”.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье анализируются мировоззренческие, концептуальные и коммуникативно-биографические аспекты переписки Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби в контексте интеллектуально-общественной ситуации в СССР в конце 1960-х гг. Рассматриваются обстоятельства появления писем в публичном пространстве. Подход авторов, исследующих факт коммуникации двух известных историков и вызванный этим событием резонанс, позволяет глубже раскрыть как познавательный потенциал изучаемого источника, так и специфику общественной атмосферы эпохи.

Ключевые слова и фразы: переписка; исторический источник; «Оттепель»; диалог культур; социокультурный контекст.

Иванова Маргарита Викторовна, к.и.н., доцент

Гурьева Ирина Юрьевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
regionoved@mail.ru

ПЕРЕПИСКА А. Д. ТОЙНБИ И Н. И. КОНРАДА: ШТРИХИ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ©

Переписка Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби началась в 1967 г. в условиях сохраняющегося, несмотря на хрущёвскую «Оттепель», жёсткого противостояния двух общественно-политических систем. Уже в силу этого обстоятельства она приобрела в то время широкий общественный резонанс и привлекла внимание научного сообщества. Историография переписки достаточно обширна. Поднятые в ней проблемы находят отражение в трудах ученых, предметом исследования которых являются концептуальные идеи А. Д. Тойнби (Е. Б. Рашковский, Ю. Н. Семёнов, В. М. Мучник, О. В. Воробьева и др.). С другой стороны, переписка находит определенное место в работах, посвящённых анализу научного творчества Н. И. Конрада (Я. Я. Гуревич, Д. С. Лихачев, В. И. Семанов, Л. С. Тихвинский, А. Л. Монгайт, В. С. Санович, В. М. Алпатов, Е. В. Бадаев и др.).

Источниковой базой данной работы также являются тексты писем Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби и, по мере необходимости, других адресатов Н. И. Конрада. Письма – особая группа источников. Известно, что «исторический источник для научного исторического познания является одним из наиболее важных элементов, так как несет информацию о событиях прошлого» [6, с. 26]. В свою очередь, направленность и характер исторического и историографического исследования связан со спецификой изучаемого источника. Письма, наряду с мемуарами, дневниками, являются разновидностью источников личного происхождения. Во всех своих ипостасях (разновидность делопроизводственных документов, частная переписка, газетный жанр и др.) письма являются уникальным историческим источником: это средство общения между людьми, а также между людьми и властью. Они, по сравнению с другими источниками личного происхождения, наиболее презентативны при изучении общественных настроений [8, с. 466]. Источниковедческий анализ писем, как и всех источников личного происхождения, предполагает их анализ по трем основным направлениям: информационному, коммуникативному и биографическому [9].